

Джованни Казанова

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 2

История Жака Казановы

Джованни Казанова

**История Жака Казановы
де Сейнгальт. Том 2**

«Автор»

1789

Казанова Д. Д.

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 2 / Д. Д. Казанова — «Автор», 1789 — (История Жака Казановы)

«Я прибыл в Анкону вечером 25 февраля 1744 года и остановился в лучшей гостинице города. Довольный своей комнатой, я сказал хозяину, что хочу заказать скоромное. Он ответил, что в пост христиане едят постное. Я ответил, что папа дал мне разрешение есть скоромное; он просил показать разрешение; я ответил, что разрешение было устное; он не хотел мне поверить; я назвал его дураком; он предложил остановиться где-нибудь в другом месте; это последнее неожиданное предложение хозяина меня озадачило. Я клянусь, я ругаюсь; и вот, появляется из комнаты важный персонаж и заявляет, что я неправ, желая есть скоромное, потому что в Анконе постная еда лучше, что я неправ, желая заставить хозяина верить мне на слово, что у меня есть разрешение, что я неправ, если получил такое разрешение в моем возрасте, что я неправ, не попросив письменного разрешения, что я неправ, наградив хозяина титулом дурака, поскольку тот волен не желать меня поселить у себя, и, наконец, я неправ, наделав столько шуму. Этот человек, который без спросу явился вмешиваться в мои дела и который вышел из своей комнаты единственно для того, чтобы заявить мне все эти мыслимые упреки, чуть не рассмешил меня...»

© Казанова Д. Д., 1789

© Автор, 1789

Содержание

Глава I	6
Глава II	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Джованни Казанова
История Жака Казановы де Сейнгальт,
венецианца, написанная им самим
в замке Дукс, Богемия, том 2

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава I

Мое короткое и весьма оживленное пребывание в Анконе. Сесилия, Марина, Беллино. Греческая рабыня из лазарета. Беллино дает возможность познать себя.

Я прибыл в Анкону вечером 25 февраля 1744 года и остановился в лучшей гостинице города. Довольный своей комнатой, я сказал хозяину, что хочу заказать скоромное. Он ответил, что в пост христиане едят постное. Я ответил, что папа дал мне разрешение есть скоромное; он просил показать разрешение; я ответил, что разрешение было устное; он не хотел мне поверить; я назвал его дураком; он предложил остановиться где-нибудь в другом месте; это последнее неожиданное предложение хозяина меня озадачило. Я клянусь, я ругаюсь; и вот, появляется из комнаты важный персонаж и заявляет, что я неправ, желая есть скоромное, потому что в Анконе постная еда лучше, что я неправ, желая заставить хозяина верить мне на слово, что у меня есть разрешение, что я неправ, если получил такое разрешение в моем возрасте, что я неправ, не попросив письменного разрешения, что я неправ, наградив хозяина титулом дурака, поскольку тот волен не желать меня поселить у себя, и, наконец, я неправ, наделав столько шума. Этот человек, который без спросу явился вмешиваться в мои дела и который вышел из своей комнаты единственно для того, чтобы заявить мне все эти мыслимые упреки, чуть не рассмешил меня.

– Я подписываюсь, сударь, под всеми упреками, которые вы мне предъявили; но идет дождь, я проголодался, и у меня нет желания идти в этот час искать другого пристанища. Хотя, может быть, вместо хозяина вы соблагovolите меня накормить ужином.

– Нет, потому что, будучи католиком, я соблюдаю пост, но я берусь успокоить трактирщика, и он подаст вам хороший, хотя и постный, ужин.

Говоря так, он спускается и, сравнив его холодное здравомыслие с моей бойкой живостью, я призываю его преподавать мне несколько уроков. Он вновь поднимается, заходит ко мне в комнату и говорит, что все улажено, что сейчас я получу хороший ужин и он ко мне присоединится. Я отвечаю, что он окажет мне честь, и, чтобы заставить его назвать свое имя, представляюсь сам, назвавшись секретарем кардинала Аквавива.

– Меня зовут Сансио Пико, – говорит он, – я кастилец и проведитор войска Е.К.В.¹ под командой графа Гаже, подчиняющегося светлейшему герцогу Моденскому.

Любуясь тем, с каким аппетитом я поглощаю все, что мне принесли, он спросил, пообедал ли я; и мне показалось, что он был доволен, услышав в ответ, что нет.

– Плох ли вам показался ваш ужин?

– Напротив, он превосходен.

– Вы подвели, таким образом, Папу. Пойдемте со мной в эту комнату. Вы получите удовольствие, послушав хорошую музыку. Здесь обитает актриса – прима.

Упоминание об актрисе меня заинтересовало, я последовал за ним. Я увидел сидящую за столом пожилую женщину, ужинающую в обществе двух молодых девиц и двух красивых юношей. Я напрасно ищу актрису. Дон Сансио представляет мне как актрису одного из этих юношей, восхитительно красивого, не старше шестнадцати – семнадцати лет. Я решил сначала, что это кастрат, играющий роль примадонны в театре Анконы – дело обычное в Риме. Мать представляет мне своего другого сына, тоже красивого, но не кастрата, по имени Петроне, – прима-танцовщика, и своих двух дочерей, из которых старшая, по имени Сесиль, двенадцати лет, обучается музыке, другая – танцовщица, одиннадцати лет, – Марина, обе красивые. Семья была из Болоньи и существовала за счет своих талантов. Их любезность и веселость сочетались с бедностью.

¹ Его Католического Величества – титул короля Испании

Поднявшись из-за стола, Беллино – таково было имя кастрата – примадонны, – по настоянию донна Сансио, сев за клавесин, исполнил арию ангельским голосом, с очаровательной грацией. Испанец, который слушал, закрыв глаза, казалось, был в экстазе. Я, отнюдь не закрывая своих глаз, любовался глазами Беллино, черными как карбункул и мечущими пламя, которое загло мне душу. Это существо обладало некоторыми чертами донны Лукреции и манерами маркизы Г. Его лицо мне казалось женственным. Его мужское платье не позволяло видеть строения его горла, поэтому, несмотря на заявленное, я вбил себе в голову, что это, должно быть, девушка. Пребывая в этой уверенности, я не мог противиться желаниям, которые он мне внушал.

Проведя в приятности два часа, дон Сансио, проводив меня в мою комнату, сказал, что уедет рано утром в Синигей с аббатом де Вильмаркати и вернется на следующий день к ужину. Пожелав ему доброго пути, я сказал, что встречу с ним в пути, поскольку в тот же день собираюсь ехать ужинать в Синигей. Я задержусь в Анконе только на день, чтобы представить банкиру свое заемное письмо и взять у него такое же для Болоньи.

Я лег, полный впечатлений от Беллино, досадуя, что вынужден уехать, не отдав ему знаков справедливости, которые я ему задолжал, не будучи обманут его маскарадом. Но утром, едва открыв дверь, я увидел его представляющим мне своего брата в качестве наемного лакея. Я соглашаюсь, тот входит, и я отправляю его за кофе для всего семейства. Я усаживаю Беллино на кровать, с намерением обойтись с ним как с девушкой, но тут появляются две его сестры, и разрушают таким образом мой проект. Мне остается только довольствоваться замечательной картиной перед глазами: весельем, красотой без прикрас в трех разных обличьях, нежной непринужденностью, духом театра, прелестными шутками, болонскими гримасками, незнакомыми, но доставляющими мне истинное удовольствие. Две девочки были сущими живыми розовыми бутонами и вполне заслуживали бы предпочтения перед Беллино, если бы я не вбил себе в голову, что Беллино такая же девушка, как они. Несмотря на юный возраст, на их белых грудках видны были признаки раннего созревания.

Появился кофе, принесенный Петроне, он сервировал стол и понес кофе матери, которая не покидала своей комнаты. Этот Петроне был настоящий гей, это была его профессия. Такое не редкость в нашей странной Италии, где нетерпимость в подобной области не обнаруживает себя пренебрежением, как в Англии, ни грубостью, как в Испании. Я дал ему цехин, чтобы он заплатил за кофе, и оставил ему сдачу восемнадцать паоли, что вызвало его благодарность, прояснившую для меня его вкус. Это был поцелуй открытым ртом, который он вlepил мне в губы, сочтя меня любителем этих дел. Я его слегка разочаровал, но не расстроил. Когда я приказал ему сервировать нам обед на шестерых, он ответил, что, что сервирует только на четверых, так как должен составить компанию своей дорогой матушке, которая ест в постели.

Две минуты спустя явился трактирщик, чтобы сказать, что персоны, которых я пригласил обедать с собой, кушают каждая по меньшей мере за двоих, поэтому он обслужит нас только из расчета по шесть паоли с головы. Я согласился. Решив, что должен пожелать доброго утра любезной матушке, я пошел в ее комнату и высказал комплимент по поводу ее очаровательного семейства. Она поблагодарила меня за восемнадцать паоли, что я подарил ее любимому сынку, и поведала мне о своих печальных обстоятельствах.

– Антрепренер Рокко Ардженти, – рассказала она, – это варвар, который заплатил мне всего 50 римских экю за все время карнавала. Мы их проели и можем вернуться в Болонью только пешком, прося милостыню.

Я дал ей дублон «*да окко*», что заставило ее прослезиться от радости. Я пообещал ей еще один за откровенность.

– Признайтесь мне, что Беллино – девушка.

– Уверю вас, что нет; но он так выглядит. Его вид настолько убедителен, что он должен был пройти обследование.

– Кто проводил?

– Духовник его преосвященства епископа. Вы можете сами у него спросить, правда ли это.

– Я поверю этому только после того, как произведу обследование сам.

– Сделайте это; но, по правде говоря, я не могу в этом участвовать, потому что, прости меня господи, мне неприятны ваши подозрения.

Я иду в свою комнату, отсылаю Петроне купить бутылку кипрского вина, он дает мне сдачу в семь цехинов с моего дублона и я распределяю эти цехины между Беллино, Сесиль и Мариной, затем прошу этих двух последних оставить меня наедине с их братом.

– Мой дорогой Беллино, – говорю я ему, – я уверен, что вы не моего пола.

– Я вашего пола, но я кастрат; меня обследовали.

– Позвольте, я вас также обследую, и вот вам дублон.

– Нет, потому что, очевидно, вы меня любите, и религия мне это запрещает.

– Вы не проявили такой щепетильности по отношению к духовнику епископа.

– Он был старый, и он только бросил беглый взгляд на мое несчастное телосложение.

Я протягиваю руку, он ее отталкивает и приподнимается. Это упорство меня раздражает, потому что я потратил уже пятнадцать – шестнадцать цехинов для удовлетворения своего любопытства. Я, надувшись, возвращаюсь к столу, но аппетит трех прелестных созданий возвращает мне хорошее настроение, и я решаюсь компенсировать на малышках потраченные деньги.

Сидя втроем перед огнем и поедая каштаны, я начинаю раздавать поцелуи; и Беллино, в свою очередь, не уклоняется от участия. Я поглаживаю и целую юные шейки Сесили и Марины и Беллино, улыбаясь, не противится моей руке, проникающей за жабо и трогающей грудь, не оставляющую во мне никаких сомнений.

– С этой грудью, – говорю я, – вы девушка и не можете это отрицать.

– Это недостаток всех таких как я.

– Я это знаю; но я понимаю в этом достаточно, чтобы отличить разновидности. Эта грудь, мой дорогой Беллино, – очаровательная грудь семнадцатилетней девушки.

Весь в огне, видя, что моя рука не встречает никакого препятствия в своем завоевании, я хочу приблизить к нему свои раскрытые губы, обесцвеченные избытком страсти, но этот обманщик, не желая доставить мне недозволенное удовольствие, поднимается и покидает меня. Я пылаю от гнева и от невозможности его утолить, потому что сам все затеял. Чтобы успокоиться, я прошу Сесилию, ученицу Беллино, спеть мне несколько неаполитанских арий; после этого я вышел и направился к рагузянину Бучетти, который выдал мне заемный вексель на Болонью, взамен такого же, который я ему предъявил. Вернувшись в гостиницу, я поужинал в компании этих девочек блюдом макарон и отправился спать, приказав Петрони заказать место в утренней почтовой карете, поскольку решил уехать.

В момент, когда я собрался уже закрыть свою дверь, я вижу Сесили, которая, будучи почти в рубашке, является мне передать от Беллино, что я бы доставил ему удовольствие, проводив его до Фламини, где он приглашен петь в опере, которую там ставят после Пасхи.

– Иди, скажи ему, мой маленький ангел, что я готов доставить ему это удовольствие, если он соблаговолит сначала доставить мне другое, дав мне возможность, в твоём присутствии, увидеть, девушка он или мальчик.

Она уходит, и возвращается сказать, что он уже в постели; но если я отложу свой отъезд на один день, он обещает удовлетворить мое любопытство.

– Скажи мне правду, и я дам тебе шесть цехинов.

– Я не могу их взять, потому что, никогда не видел его обнаженным, не могу об этом судить; но наверняка он мальчик, потому что в противном случае он не мог бы петь в этом городе.

- Отлично. Я уеду только послезавтра, если ты проведешь ночь со мной.
- Вы меня так любите?
- Очень; но будешь ли ты хорошей?
- Очень хорошей, потому что я вас тоже люблю. Я пойду предупрежу мать.
- У тебя, наверное, был любовник.
- Никогда.

Она возвращается веселая, говоря, что ее мать считает меня порядочным человеком. Она запирает мою дверь и бросается, влюбленная, в мои объятия. Я нашел, что она, возможно, девственна, но, не будучи влюбленным, я не стал углубляться в этот вопрос. Амур – чудесная приправа, которая делает это блюдо изысканным. Сесилия была прелестна, но у меня не было времени, чтобы ее желать; поэтому я не мог ей сказать – ты мое счастье; это она мне так говорила, но я был не слишком этим обрадован. Однако я хотел познать счастье; она была нежна, я был нежен, я уснул в ее объятиях и, проснувшись и разбудив ее любовью, я подарил ей три дублона, которые, однако, должны были понравиться меньше, чем клятвы в вечной верности. Абсурдные клятвы, которых мужчина не может дать и прекраснейшей из женщин. Сесилия удалилась, неся свое богатство матери, которая, плача от счастья, утвердилась в своей вере в божественное провидение.

Я вызвал хозяина, чтобы заказать ему богатый ужин на пять персон. Я был уверен, что благородный дон Сансио, который должен был прибыть к вечеру, не преминет оказать мне честь поужинать со мной. Я не хотел обедать, но болонская семья не нуждалась в таком режиме, чтобы сохранить свой аппетит до ужина. Вызвав Беллино, чтобы напомнить о его обещании, я услышал от него, что день еще не кончен, и он уверен, что проводит меня до Римини. Я предложил ему, если он хочет, прогуляться со мной, и он пошел одеваться.

Но тут появляется Марина, которая с обиженным видом заявляет мне, что не знает, чем заслужила мое неудовольствие.

– Сесиль провела с вами ночь, вы уезжаете завтра с Беллино, лишь я одна остаюсь несчастной.

- Ты хочешь денег?
- Нет, я вас люблю.
- Ты еще слишком ребенок.
- Возраст ничего не значит. Я больше сформировалась, чем сестра.
- И ты хочешь сказать, что у тебя уже был любовник.
- Этого не было.
- Отлично. Посмотрим этой ночью.

– Тогда я пойду сказать матери, чтобы она приготовила простыни на завтра, потому что служанка гостиницы может прознать правду.

Этот фарс позабавил меня в высшей степени. Выйдя из дверей вместе с Беллино, я купил маленький бочонок устриц из венецианского Арсенала, чтобы лучше принять дону Сансио, и, прежде, чем возвратиться в гостиницу, пошел с Беллино на рейд, где поднялся на борт большого венецианского корабля, только что окончившего свой карантин. Не найдя там никого из знакомых, я взошел на борт турецкого корабля, отправлявшегося под парусами в Александрию.

Едва я взошел на борт, первой предстала перед моими глазами прекрасная гречанка, которую я оставил семь месяцев назад в лазарете Анконы. Она была при старом капитане. Я делаю вид, что ее не заметил, и спрашиваю у капитана, нет ли у него каких-либо красивых товаров на продажу. Он отводит нас в каюту и открывает свои шкафы. Я вижу в глазах гречанки радость от встречи со мной. Все, что показал мне турок, мне не подошло, и я сказал ему, что охотно купил бы какую-нибудь красивую вещь, которая подошла бы его прекрасной половине. Он смеется, она говорит ему по-турецки, и он уходит. Она бросается мне на шею и, прижимая

к груди, говорит: – «Вот миг удачи». Не менее воодушевленный, чем она, я сажусь, прилаживаюсь к ней и, менее чем в минуту, я даю ей то, что ее хозяин за пять лет не давал ей ни разу. Я сорвал плод и вкусил его; но чтобы его проглотить, мне нужна была еще минута. Несчастливая гречанка, слыша, что возвращается хозяин, выскальзывает из моих рук и поворачивается ко мне спиной, давая, таким образом, мне время прийти в себя, иначе он смог бы увидеть мой беспорядок, что могло бы мне стоить жизни или всех моих денег, если бы удалось уладить дело полюбовно. То, что вызвало мой смех в этой весьма серьезной ситуации, это удивление Беллино, остолбеневшего и дрожащего от страха.

Безделушки, которые выбрала прекрасная рабыня, стоили мне не более двадцати – тридцати цехинов. *Spolaitis* (благодарю), говорит она мне на языке своей страны; но ускользает, закрыв лицо, когда хозяин велит ей меня поцеловать. Я ушел скорее грустный, чем веселый, сожалея об этом очаровательном создании, которому, несмотря на ее храбрость, небо покровительствовало только наполовину. Беллино в фелюге, оправившись от страха, сказал мне, что я продемонстрировал ему феномен, реальность которого кажется ему невероятной, но который дал ему странное представление о моем характере; относительно характера гречанки, он ничего не понял, за исключением того, что, как я ему сказал, таковы все женщины ее страны. Беллино сказал мне, что они должны быть несчастны.

– Вы, должно быть, полагаете, – сказал я, – что кокетки счастливые?

– Я не хотел бы ни того, ни другого. Я полагаю, что женщина отдается добровольно любви, и что она предается ей после борьбы с самой собой; и я не хотел бы, чтобы, под влиянием первого впечатления от понравившегося ей объекта, она отдалась ему, подобно собаке, которая слушается только своего инстинкта. Признайте, что эта гречанка дала вам определенный знак того, что вы ей нравитесь, но в то же время продемонстрировала превосходное свидетельство своей брутальности и бесстыдства, которые подвергают ее опасности позора быть отвергнутой, потому что она не могла знать, что нравится вам так же, как вы ей. Она очень красива, и все сошло хорошо; но все это ввергает меня в трепет.

Я мог бы утихомирить Беллино и посвятить его в мои подлинные чувства, рассказав всю историю, но мне это было ни к чему. Если бы это была девушка, в моих интересах было бы убедить ее, что значение, которое я придаю этой истории, невелико, чтобы она не попыталась коварными уловками помешать мне в дальнейшем.

Мы вернулись в гостиницу и в сумерках увидели дону Сансио, въезжающего во двор в своем экипаже. Идя ему навстречу, я просил меня извинить, что счел за честь пригласить его отужинать со мной и с Беллино. Выразив с достоинством и вежливостью удовольствие, которое я ему доставил своим предложением, он согласился.

Отборные хорошо приготовленные блюда, добрые испанские вина, прекрасные устрицы и, плюс ко всему, веселость и голоса Беллино и Сесили, исполнивших для нас дуэты и сегидильи доставили испанцу пять часов райских наслаждений. Мы разошлись в полночь, и он сказал мне, что не может быть вполне удовлетворенным, отправляясь спать, если я не пообещаю ему отужинать завтра в его комнате в той же компании. Пришлось отложить мой отъезд еще на один день, что я и обещал.

Я настаивал, чтобы Беллино сдержал свое слово, но, ответив мне, что Марина имеет мне что сказать, и что у нас еще будет время завтра побыть вместе, он меня покинул. Я остался наедине с Мариной, которая весело закрыла мою дверь. Эта девица, более сформировавшаяся, чем Сесили, хотя и моложе ее, сочла себя обязанной убедить меня, что достойна предпочтения перед своей сестрой. Я этому легко поверил, судя по огню ее глаз. Опасаясь, остаться в небрежении мужчиной, который мог быть утомлен предыдущей ночью, она развернула передо мной все свои затаенные любовные идеи; она мне рассказала в деталях обо всем, что она умеет, она развернула передо мной все свои доктрины, она обстоятельно изложила все обстоятельства, которые позволяют ей стать великой повелительницей в таинствах любви, мысли, которые

доставляют ей радость, и способы, которые она использует, чтобы их испытать. Я, наконец, заметил, что она опасается того, что, увидев, что она уже не девственница, я ее в этом буду упрекать. Ее беспокойство мне понравилось, и я развлекся, убеждая ее в том, что требование невинности девушек кажется мне ребячеством, потому что в большинстве случаев оно сводится лишь к наличию некоторых природных признаков. Я высмеял тех, кто затевает по этому поводу ссору.

Я увидел, что моя наука ей нравится, и она доверчиво пришла в мои объятия. Она показала себя во всех отношениях выше своей сестры и торжествовала, когда я ей об этом сказал; но когда она возымела претензию меня насытить, уверяя, что проведет со мной всю ночь без сна, я ей это отсоветовал, указав, что мы на этом потеряем, потому что нежная передышка сна сообразна природе; она согласилась, что пробуждение добавит силы ее огню.

Достаточно насладившись и хорошо выспавшись, мы возобновили праздник утром, и Марина удалилась весьма довольная, когда увидела три дублона, которые в душевной радости понесла своей матери, неутолимой в принятии все более возрастающих обязательств божественного провидения.

Я вышел и отправился получить деньги у Бучетти, не зная, что может приключиться в путешествии в Болонью. Я наслаждался жизнью, но слишком много тратил. Мне оставалась еще Беллино, которая, оказавшись девицей, не должна была счесть меня менее щедрым, чем ее сестры. Вопрос прояснится этим днем, и я должен был окончательно в этом убедиться.

Те, кто утверждает, что жизнь – это последовательность несчастий, хотели бы сказать тем самым, что сама жизнь – это несчастье. Если жизнь – несчастье, то смерть – счастье. Эти люди не писали бы такого, имея доброе здоровье, кошелек, полный золота и удовлетворение в душе, заимев в свои объятия Сесили, Марин и будучи уверены, что в дальнейшем получат и прочих. Такова порода пессимистов, (извини, мой дорогой французский язык), которые могут существовать лишь в окружении нищих философов и лукавых или желчных теологов. Если удовольствия существуют, и если испытывать их возможно только при жизни, жизнь – это счастье. Существуют, впрочем, и горести, и я должен это знать. Но само существование горестей доказывает, что радостей гораздо больше. Я получаю бесконечное наслаждение, когда, находясь в темной комнате, наблюдаю через окно светлые горизонты.

В час ужина я отправился к дону Сансио, которого нашел в одиночестве и очень прилично устроенным: накрытый стол, серебряные приборы, прислуга в ливреях. Беллино, из каприза или кокетства, пришел одетым в женское платье, в сопровождении своих прелестных, однако уступающих ему, сестер, и в этот момент настолько уверил меня в своем женском естестве, что я готов был поставить на это свою жизнь против паоло. Невозможно было выглядеть более красивой девицей.

– Можете ли вы допустить, – говорю я дону Сансио, – что Беллино не девица?

– Девица, или юноша, какая разница! Я считаю его очень красивым кастратом; и я видал других, таких же красивых, как он.

– Но вы в этом уверены?

– Ах ты, господи! Мне и не нужно быть уверенным.

Я отдал должное мудрости испанца, которой сам был лишен, и не ответил ему ни словом; но за столом не мог оторвать глаз от этого создания, которое моя порочная натура склоняла любить и полагать существом того пола, который мне нужен.

Ужин дона Сансио был превосходен и, как и следовало ожидать, лучше моего, поскольку иначе он счел бы себя опозоренным. Подали белые трюфели, ракушки разного вида, лучшую рыбу Адриатики, не пенное шампанское, *Peralta*), *Xérès*, и *Pedro Ximénès*². После ужина Беллино спела, заставив потерять последний разум, что еще оставался у нас после превосходных

² сорта испанских вин – прим. перев.

вин. Ее жесты, движения глаз, ее походка, осанка, ее вид, физиономия, ее голос, и к тому же мой инстинкт, который, по моему разумению, не мог позволить мне ощутить их силу, если бы это был кастрат, – все, все утверждало меня в моем мнении. Я должен был, однако, быть уверен в свидетельстве моих глаз.

От души поблагодарив благородного кастильца, мы пожелали ему доброй ночи и отправились в мою комнату, где Беллино должен был сдержать данное мне слово, либо удостоиться моего презрения и приготовиться к тому, что я уеду на рассвете один.

Я беру его за руку, усаживаю рядом с собой у огня и прошу двух малышей оставить нас одних. Они мгновенно исчезают.

– Дело, – говорю я ему, – будет недолгим, если вы моего пола, а если вы – противоположного, то будет зависеть от вас – провести ли эту ночь со мной. Я дам вам завтра утром сто цехинов, и мы отправимся вместе.

– Вы отправитесь один и вы проявите великодушие, извинив мою слабость, что я не могу сдержать свое слово. Я кастрат, и я не могу заставить себя ни показать вам мой позор, ни подвергнуть себя ужасным последствиям, которые может иметь это разоблачение.

– Их не будет, поскольку, как только я увижу или потрогаю это, я попрошу вас идти спать в вашу комнату, и мы отправимся завтра вполне спокойно, и между нами не возникнет никаких вопросов.

– Нет, это решено: я не могу удовлетворить ваше любопытство.

Эти слова вывели меня из терпения, но я овладел собой и попытался нежно проникнуть рукой туда, где должен был выяснить свою правоту или ошибку; но он своей рукой воспрепятствовал моему намерению.

– Уберите же эту руку, дорогой Беллино.

– Нет, категорически нет, потому что вы в состоянии, которое меня пугает. Я это знаю и никогда не соглашусь на эти ужасы. Я пойду и направлю вам своих сестер.

Я удерживаю его, я делаю вид, что успокоился; но внезапно, застав его врасплох, протягиваю руку в низ его спины, и моя быстрая рука проясняет на этом пути то, что не было прикрыто его руками, то, что он называл своим позором. В этот момент я понял, вопреки его стараниям, что это мужчина. Удивленный, раздосадованный, оскорбленный, испытывая отвращение, я выпустил его. Я увидел, что Беллино действительно мужчина, но мужчина, достойный презрения, как из-за своего уродства, так и из-за того позорного спокойствия, с которым я мгновенно стал его воспринимать; я с очевидностью увидел признаки его бесчувственности.

Мгновение спустя я увидел его сестер, которых я попросил уйти, потому что ощущал потребность во сне. Беллино должен был отправиться со мной, но он больше не интересовал меня. Я закрыл свою дверь и лег, однако был очень недоволен, потому что то, что я увидел, должно было меня разочаровать, но я не чувствовал себя таковым. Но чего же мне, в конце концов, хотелось? Увы! Я думал над этим и не находил ответа.

Утром, хорошо позавтракав, я уехал с ним и с сердцем, истерзанным слезами его сестер и его матери, бормочущей молитвы, с четками в руке, повторяющей «*Dio procedera*»³.

Вера в божественное Провидение для большинства тех, кто занят в области, защищенной законами или религией, не является ни абсурдом, ни фикцией, ни следствием лицемерия; она существует, она реальна и, такая, какая она есть, благочестива, поскольку ее истоки превосходят. Каковы бы ни были ее пути, все, что происходит – суть Провидение, и те, кто ему поклоняется, независимо ни от чего, – здравомыслящие люди, хотя и подверженные заблуждению.

³ Бог в помощь

*Pulchra Laverna Da mihi fallere; da justo, sanctoque videri; Noctem peccatis, et fraudibus objice nubem*⁴.

Так говорили своей латинской богине римские воры времен Горация, которые, как говорил мне один иезуит, не понимали своего языка, если говорилось *justo sanctoque*⁵. Среди иезуитов тоже есть невежды, а воры смеются над грамматикой.

Итак, я путешествую с Беллино, который, полагая меня разочарованным, имеет основания надеяться, что я больше не буду любопытствовать относительно него. Но не прошло и четверти часа, как стало очевидно, что он ошибался. Я не мог взглянуть на него, чтобы не почувствовать жар любви. Я сказал ему, что его глаза – это глаза не мужчины, а женщины, мне необходимо было тактично убедиться, что то, что я видел во время своей эскапады, не было огромным клитором.

– Может быть, – говорю я ему, – и я чувствую, что не испытал бы никаких затруднений, простив вам этот, впрочем, всего лишь забавный, недостаток; но если это не клитор, мне необходимо в этом убедиться, что очень легко. Я больше не собираюсь смотреть, я только прошу там потрогать, и будьте уверены, что как только я уверюсь в этом, я стану нежен как голубь, потому что после того, как я распознаю в вас мужчину, мне станет невозможно продолжать вас любить. Это мерзость, к которой я, видит Бог, не имею никакой склонности. Ваш магнетизм и, более того, ваше горло, которое вы являете моим глазам и моим рукам, укрепляют мое убеждение об ошибке, внушая непреодолимое впечатление, которое заставляет меня продолжать считать вас девушкой. Ваше телосложение, ваши ступни, ваши колени, бедра, ягодицы – совершенная копия статуи Анадиомены, которую я видел сотню раз. Если после всего этого вы действительно просто кастрат, разрешите мне считать, что вы, зная о своем совершенном сходстве с девушкой, задумали этот жестокий проект, чтобы влюбить меня, сделать меня безумцем, отказывая мне в доказательстве, которое одно может вернуть мне разум. Превосходный ученый, вы научились в самой проклятой из всех школ способу, как сделать невозможным молодому мужчине излечиться от любовной страсти, овладевшей им, как возбудить ее; но, дорогой Беллино, признайте, что вы используете эту тиранию, только ненавидя персону, на которую направлен этот эффект; и в этом случае я должен буду прибегнуть к единственному, что мне остается – возненавидеть вас, девица вы или юноша. Вы должны будете также почувствовать, что при вашем упорном стремлении помешать мне прояснить то, что я у вас прошу, вы заставляете меня пренебречь вами как кастратом. Значение, которое вы придаете вопросу, – ребяческое и злое. По-человечески и ради души, вы не должны настаивать на этом отказе, который, исходя из всего сказанного, ставит меня перед тяжелой необходимостью усомниться. В этом состоянии моего духа, вы должны, в конце концов, почувствовать, что я должен решиться применить силу, поскольку, если вы мой враг, я должен отнестись к вам как к таковому и отбросить жалость.

По окончании этого рассуждения, слишком жестокого, которое он выслушал, не перебивая, он ответил мне лишь следующими двадцатью словами.

– Заметьте, что вы не мой господин, что я оказался в ваших руках из-за обещания, которое вы мне передали через Сесиль, и что вы будете повинны в убийстве, учинив надо мной насилие. Скажите фореитору остановиться: я сойду и не скажу об этом никому.

После этого короткого ответа он утонул в слезах, которые повергли мою бедную душу поистине в состояние уныния. Я почувствовал себя почти виноватым; говорю «почти», потому что если бы я действительно счел себя таковым, я попросил бы у него прощения. Я не хотел ридиться в свои собственные судьи. Я погрузился в самое угрюмое молчание, имея терпение

⁴ Прекрасная Лаверна, позволь мне обманывать, казаться праведным и святым, прикрой тьмой мои грехи и облаком мои обманы... – Гораций, Письма

⁵ на правильной латыни – прим. перев.

не произнести более ни слова до середины третьего прогона, который кончался в Синигей, где я хотел ужинать и ночевать. Перед тем, как туда прибыть, следовало достичь определенности. Мне казалось, что есть надежда еще раз обратиться к разуму.

– Мы могли бы, – говорю я ему, – расстаться в Римини добрыми друзьями, и так и было бы, если бы вы испытывали ко мне хоть немного дружеских чувств. С помощью любезности, которая, в конечном итоге, ни к чему не приведет, вы могли бы излечить меня от моей страсти.

– Вы не излечитесь, – ответил мне Беллино со смелостью и тоном, нежность которого меня удивила, – потому что вы влюблены в меня, девица я или юноша, и, найдя меня юношей, вы захотите пойти дальше и мои отказы введут вас в еще большее неистовство. Видя меня твердым и непреклонным, вы сотворите бесчинства, которые вызовут бесполезные слезы.

– Таким образом, вы полагаете продемонстрировать мне свое разумное упорство; но я могу вас опровергнуть. Уступите мне, и вы увидите во мне только доброго и честного друга.

– А я вам говорю, вы впадете в ярость.

– Меня приводят в ярость ваши прелести, воздействие которых, согласитесь, вы не можете не учитывать. Вы не побоялись моей любовной ярости, и хотите, чтобы я поверил, что вы боитесь ее теперь, когда я прошу у вас позволения потрогать вещь, которая вызовет мое отвращение?

– О! Вызвать ваше отвращение! Я уверен в обратном. Вот решение. Если бы я была девушкой, не в моих силах было бы вас не полюбить, и я это знаю. Но, будучи юношей, моим первейшим долгом является не давать ни малейшей уступки тому, что вы хотите, потому что ваша страсть, которая сейчас естественна, тут же превратится в противоестественную. Ваша пылкая натура станет врагом вашего разума, и сам ваш разум согласится стать соучастником вашего заблуждения и станет частью вашей природы. Это зажигательное разъяснение, которое вы не боитесь мне предложить, и ваше торжественное обещание приведут к тому, что вы сами перестанете владеть собой. Ваше мнение и ваш такт, в поисках того, что найти не могут, хотели бы заместить его тем, что имеют, и между вами и мной произойдет самое отвратительное из того, что возможно между мужчинами. Как вы можете, при своем таком ясном уме, представлять и обманываться, что, найдя меня мужчиной, вы перестанете меня любить? Вы полагаете, что после вашего открытия все, что вы называете моим очарованием и от чего вы, по вашим словам, сделались влюблены, исчезнет? Знайте, что оно, может быть, усилится, и ваше пламя, став грубым, преодолеет все способы, которые ваш влюбленный разум использует, чтобы успокоиться. Вы придете к тому, чтобы насильно превратить меня в женщину, или самому вообразить себя женщиной, вы захотите, чтобы я использовал вас в таком качестве. Ваш разум, введенный в заблуждение вашей страстью, будет множить софизмы без числа. Вы будете говорить, что ваша любовь ко мне, мужчине, более обоснована, чем если бы я был девушкой, потому что источником ее будет самая чистая дружба; и вы не преминете приводить мне примеры подобных сумасбродств. Введенный в заблуждение фальшивыми бриллиантами ваших аргументов, вы уподобитесь бурному потоку, который никакая плотина не сможет удержать, и у меня не хватит слов, чтобы опровергнуть ваши ложные аргументы, и сил, чтобы отразить ваши яростные нападения. Вы придете, наконец, к тому, что доведете меня до смерти, если я буду противостоять проникновению в неприступный замок, дверь в который, созданная мудрой природой, открыта только для выхода. Это будет ужасная профанация, которая возможна только с моего согласия и для которой вы найдете меня готовым скорее умереть, чем ее допустить.

– Ничего этого не случится, – ответил я, немного поколебленный его рассуждениями, – и вы преувеличиваете. Должен, однако, вам заметить, что если все же то, о чем вы наговорили, случится, мне кажется, что будет меньшим злом при ошибке такого рода следовать природе, что может восприниматься философски, скорее как игра случая, и останется без последствий, чем если она будет протекать таким образом, что сделается неизлечимой душевной болезнью, при которой разум станет возвращаться к нам только мимолетно.

Так бедный философ рассуждает, когда беспорядочная страсть сбивает с толку чудесные способности его души. Чтобы хорошо рассуждать, следует не быть ни влюбленным, ни в гневе, потому что эти две страсти уподобляют нас животным; и, к сожалению, мы никогда так не нуждаемся в рассуждении, как когда находимся под воздействием той или другой.

Прибыв в Синигей достаточно мирно глубокой ночью, мы пошли в почтовый трактир. Велев сгрузить наши вещи и отнести их в хорошую комнату, я распорядился об ужине. Поскольку в комнате была только одна кровать, я спросил у Беллино очень спокойным голосом, желает ли он приказать разжечь огонь в другой комнате. Он удивил меня, мягко ответив, что не видит никаких затруднений, чтобы лечь в мою кровать.

Читатель легко представит, в какое удивление поверг меня этот ответ, которого я никак не ожидал, но в котором очень нуждался, чтобы очистить свой разум от того мрака, в который он был погружен. Я увидел, что пьеса близится к развязке, и не смел этому радоваться, поскольку не мог предвидеть, окончится ли она приятно или трагически. В одном я был уверен, – что в кровати он от меня не ускользнет, даже если будет иметь дерзость не захотеть раздеться. Будучи удовлетворенным победой, я решил одержать вторую победу, пощадив его, если обнаружу, что он мужчина, чего я, однако, не ожидал. Встретив в нем девицу, я не сомневался в полной ее снисходительности, потому что это представлялось мне очевидным.

Мы обменивались мимикой за столом, и в этих беседах, в его виде, выражении его глаз, его улыбках он, казалось мне, стал другим. Освободившись, как мне казалось, от тяжелого груза, я поужинал скорее, чем обычно, и мы поднялись из-за стола. Беллино, занеся ночную лампу, запер дверь, разделся и лег. Я сделал то же самое, не произнося ни слова. Итак, мы легли вместе.

Глава II

Беллино позволяет себя познать; его история. Меня арестовывают. Мое невольное бегство. Мое возвращение в Римини, и мое прибытие в Болонью.

Я лег и вздрогнул, ощутив, что он придвинулся ко мне. Я прижал его к груди. Он был охвачен тем же чувством. Началом нашего диалога был поток взаимных поцелуев. Его руки первыми опустились по моей спине до поясницы, я опустил свои еще ниже, и, чтобы все стало, наконец, ясно, я был счастлив, я это ощутил и снова ощутил, я убедился во всем, я был прав, я это сделал, я не мог в этом сомневаться, я не пытался понять, как это произошло, я опасался, что если заговорю, меня не станет, или я стану существовать каким-то другим образом, как мне бы не хотелось, я предавался телом и душой радости, которая затопляла все мое существо. Избыток счастья захватил все мои чувства до той степени, когда природа, утонувшая в высшем наслаждении, опорожнилась. Я оставался, захваченный пространством минуты, в недвижимом действии, созерцая в уме и обожая свой апофеоз. Зрение и осязание, которые, как я полагал, должны были бы представлять собой главных персонажей в этой пьесе, играли здесь лишь второстепенные роли. Мои глаза не искали счастья большего, чем оставаться прикованными к лицу очаровавшего их существа, а мое осязание, сосредоточенное в кончиках пальцев, не искало лучшего ощущения. Я обвинил бы природу в самой подлой трусости, если бы без моего согласия она осмелилась отступить от позиции, которой я обладал.

Не прошло и двух минут, как, не прерывая нашего красноречивого молчания, мы возобновили наши общие усилия к подтверждению нашего взаимного счастья: Беллино, убеждая меня каждые четверть часа самыми нежными стенаниями, я – отказываясь каждый раз покинуть мое ристалище. Я всю жизнь был подвержен страху, что мой боевой конь откажется возобновить сражение, и эта бережливость мне никогда не казалась затруднительной, потому что видимое удовольствие, которое я давал, составляло четыре пятых моего. По этой причине, природа должна чувствовать отвращение к старости, которая вполне может испытывать удовольствие, но никогда не давать его. Юность ее избегает: это ее неумолимый враг, который ее, в конце концов, захватывает, печальный и слабый, безобразный, отвратительный и всегда слишком ранний.

Мы взяли, наконец, передышку. Нам нужен был перерыв. Мы не были утомлены, но нашим чувствам необходимо было успокоиться, чтобы расставить все по своим местам.

Беллино, первой нарушив молчание, спросила меня, нашел ли я ее достаточно влюбленной.

– Влюбленной? Ты согласилась, наконец, быть женщиной? Скажи мне, тигрица, правда ли, что ты меня любишь, каким образом ты смогла разделить твое и мое счастье? Действительно ли ты принадлежишь прекрасному полу, в котором я, надеюсь, тебя нашел?

– Ты теперь повелитель всего. Будь уверен.

– Да. Я должен в этом убедиться. Великий Боже! Куда девался чудовищный клитор, который я видел вчера?

После того, как я вполне убедился, после обследования, проведенного мной с затаенным дыханием, очаровательное создание поведало мне свою историю.

– Мое имя Тереза. Бедная дочь служащего в Болонском институте, я была знакома с Салимбени, знаменитым музыкантом-кастратом, который поселился у нас. Мне было двенадцать лет, и у меня был прекрасный голос. Салимбени был красив; мне нравилось привлекать его внимание, быть им отмеченной, обучаться у него музыке и касаться клавиатура. За год я оказалась сносно обучена и в состоянии себе аккомпанировать с видом, имитирующим грацию этого большого маэстро, которой был восхищен король саксонский, выборщик короля Польши. Наградой было то, что его нежность принудила его просить моей нежности; я не сочла себя

униженной его просьбой: я его обожала. Такие мужчины, как ты, заслуживают, несомненно, предпочтения перед теми, кто подобен моему первому любовнику; но Салимбени был исключением. Его красота, его ум, его манеры, талант и выдающиеся качества его сердца и души ставили его выше всех замечательных людей, которых я знала до этого момента. Его простота и деликатность были его главными достоинствами, и он был богат и щедр. Невозможно, чтобы нашлась женщина, способная устоять перед ним; но я никогда не слышала, чтобы он хвастался какой-либо своей победой. Операция сделала, в конце концов, из этого человека монстра, как и должно было быть, но монстра с восхитительными качествами. Я знаю, что когда я отдалась ему, он меня осчастливил. Но он сделал так, что и я составила его счастье. Салимбени содержал в Римини у учителя музыки мальчика моих лет, которого его отец на смертном одре подверг кастрации, чтобы сохранить ему голос, и чтобы тот смог поддержать многочисленную семью, разбросанную по театрам. Этот мальчик, по имени Беллино, был сыном доброй женщины, с которой вы познакомились в Анконе и которую все считают моей матерью.

Год спустя после того, как мы познакомились, я узнала от этого создания, столь одаренного небесами, грустную новость, что он должен меня покинуть, чтобы ехать в Рим. Я была от этого в отчаянии, хотя он уверял меня, что я вскоре с ним увижусь. Он оставил моему отцу заботу и средства, чтобы продолжать культивировать мой талант; но как раз в это время того унесла злокачественная лихорадка, и я осталась сиротой. Салимбени не мог вынести моих слез. Он решил отвезти меня в Римини и поместить в пансион к тому же учителю музыки, у которого он содержал юного кастрата, брата Сесилии и Марины. Мы выехали из Болоньи в полночь. Никто не знал, что он везет меня с собой, и это было легко, потому что я не знала и не интересовала никого, кроме моего дорогого Салимбени.

Как только мы приехали в Римини, он оставил меня в гостинице и отправился поговорить с учителем музыки и договориться обо всем относительно меня. Но полчаса спустя он вернулся в гостиницу в задумчивости. Беллино умер накануне нашего приезда. Размышляя о скорби, которую почувствует его мать, когда он напишет ей о новости, он надумал отвезти меня в Болонью под именем этого умершего Беллино и поместить в пансион к матери ребенка, которая была бедна и заинтересована хранить секрет. Я предоставлю ей, – сказал он, – все средства, чтобы ты в совершенстве обучилась музыке, и через четыре года я перевезу тебя в Дрезден, но в качестве не девушки, а кастрата. Мы станем жить там вместе, и никто не сможет ничего сказать. Ты дашь мне счастье до самой моей смерти. Надо только, чтобы вся Болонья тебя считала Беллино, что тебе будет легко, поскольку тебя никто не знает. Одна мать будет знать все. Ее дети не усомнятся, что ты их брат, потому что они были очень малы, когда я отправил его в Римини. Ты должна, если ты меня любишь, скрыть свой пол и даже забыть о нем. Ты должна с этого момента принять имя Беллино и отправиться сначала вместе со мной в Болонью. Через два часа ты будешь одета как мальчик; твоей единственной заботой будет сделать так, чтобы никто не распознал в тебе девушку. Ты будешь спать одна; ты примешь меры предосторожности, когда будешь одеваться; и когда, по прошествии двух или трех лет, у тебя сформируется горло, это ничего не будет значить, потому что это обыкновенная особенность всех наших. Кроме того, перед тем, как тебя покинуть, я тебе дам маленькое устройство и научу, как его приспособить в нужном месте, чтобы продемонстрировать разницу полов в случае, если придется пройти обследование. Если мой проект тебе нравится, ты уверишь меня в том, что я смогу жить в Дрездене с тобой, так, чтобы королева, которая набожна, не смогла это порицать. Скажи мне, согласна ли ты.

Он не мог сомневаться в моей согласии. Для меня не было большего удовольствия, чем делать все, что он хочет. Он переделал меня в мальчика, заставил меня оставить все мои девичьи тряпки и, приказав своему слуге ожидать его в Римини, отвез меня в Болонью. Мы прибыли туда в начале ночи, он оставил меня в гостинице и пошел сначала к матери Беллино. Он сообщил ей свой проект, она его одобрила и утешилась тем в смерти своего сына. Он привел

ее ко мне в гостиницу, она назвала меня своим сыном, я дала ей имя матери; Салимбени ушел, приказав нам ждать. Он пришел через час и принес в кармане устройство, которое, в случае необходимости, должно было представить меня как мужчину. Ты его видел. Это нечто вроде кишки, длинной, мягкой и толстой, как большой палец, белой и из очень нежной кожи. Ты заставил меня смеяться исподтишка этим утром, когда назвал его клитором. Это устройство сделано внутри из очень тонкой кожи, прозрачной, овальной формы, пяти-шести дюймов в длину, двух в толщину. Приладив эту кожу с помощью эластичного клея в том месте, по которому различают пол, им прикрывают женское. Разведя клей, он проделал на мне эксперимент в присутствии моей новой матери, и я стала подобна моему дорогому другу. На самом деле, это заставило бы меня смеяться, если бы скорый отъезд предмета моего обожания не пронзал мне сердце. Я осталась там с предчувствием, что я его больше не увижу. Смеются над предчувствиями, и правильно, потому что не у всех вещь сердце, но мое меня не обмануло. Салимбени умер очень молодым в прошлом году в Тироле, настоящим философом. Я вынуждена продолжать служить своему таланту. Моя мать считает правильным продолжать мне притворяться женщиной, поскольку надеется направить меня петь в Риме. В ожидании этого она подвизалась в театре в Анконе, где Петроне учится танцевать.

После Салимбени ты единственный мужчина, в объятиях которого Тереза воздала приношения подлинной любви; и это ты заставляешь меня сегодня отринуть имя Беллино, которое со смерти Салимбени я ненавижу, и которое начинает доставлять мне трудности, которые меня беспокоят. Я сейчас выступаю в двух театрах и мне нужно в обоих, если я хочу быть принята, выдержать позорный экзамен, потому что повсюду считают, что я настолько хорошо представляю женщину, что поверить, что я мужчина соглашаются только после проверки. До сих пор я представала только перед двумя престарелыми священниками, которые простодушно довольствовались тем, что видят, и поручались перед епископом; но надо, однако, все время обороняться от людей двоякого сорта, которые преследуют меня с целями незаконными и ужасными. Те, кто, как ты, влюбляется в меня, не поверив, что я мужчина, требуют, чтобы я им дала возможность убедиться воочию, и я не могу на это решиться, потому что рискую, что они захотят также проверить прикосновением; к тому же я опасаясь не только того, что они сорвут маску, но и того, что они захотят использовать устройство для целей чудовищных, которые придут им в голову. Но самые вероломные люди, которые меня беспощадно преследуют, это те, что демонстрируют любовь ко мне как к кастрату, каким я перед ними притворяюсь. Я боюсь, мой дорогой друг, быть зарезанной одним из них. О! Мой ангел! Спаси меня от этого бесчестья. Возьми меня с собой. Я не прошу тебя взять меня в жены, я хочу быть только твоей нежной подругой, какой я была для Салимбени: мое сердце чисто; я чувствую, что создана, чтобы жить верной моему возлюбленному. Не покидай меня. Нежность, которую ты мне внушил, настоящая: та, что я испытывала к Салимбени, происходила от невинности. Я стала действительно женщиной, лишь когда вкусила настоящее наслаждение любви в твоих объятиях.

Растроганный до слез, я от всего сердца дал ей слово связать свою судьбу с ней. Захваченный необычайной историей, которую она рассказала и в которой я видел все признаки правды, я не мог, однако, поверить, что внушил ей подлинную любовь во время пребывания в Анконе.

– Как же ты могла переживать, любя меня, – сказал я ей, – если я так по тебе страдал и при этом отдавался твоим сестрам?

– Увы, мой друг! Подумай о нашей великой бедности и о затруднении, которое я должна была испытывать, открывшись. Я тебя любила, но могла ли я быть уверена, что склонность, которую ты ко мне демонстрировал, не была лишь капризом? Видя тебя столь легко переходящим от Сесилии к Марине, я решила, что ты отнесешься ко мне так же, когда удовлетворишь свои желания. Но я не могла больше сомневаться в твоём легкомысленном характере и малом значении, которое ты придаешь счастью любви, когда я увидела, что ты проделал на турецком корабле с этой рабыней, не стесняясь моего присутствия. Оно бы тебя стесняло, если бы ты

меня любил. Я боялась увидеть себя после презираемой, и бог знает, как я мучилась. Ты меня оскорбил, мой милый друг, сотней разных способов, но я оправдывала твою вину. Я видела, что ты раздражен и жаждешь отмщения. Не угрожал ли ты мне сегодня в коляске? Признаюсь, ты меня напугал. Но не думай, что это страх заставил меня тебе поддаться. Нет, милый друг, я решила тебе отдалиться прежде, чем ты вывез меня из Анконы, в первый же момент, как я поручила Сесили спросить тебя, не хочешь ли ты проводить меня в Римини.

– откажись от ангажемента, который у тебя есть в Римини, и мы поступим по-другому. Мы останемся в Болонье только на трое суток, ты отправишься со мной в Венецию в своем подлинном облики и под другим именем, я помешаю антрепренеру оперы Римини тебя отыскать.

– Я согласна. Твоя воля будет отныне моей. Салимбени мертв. Я сама себе хозяйка и я отдаю себя тебе; ты получил мое сердце и я надеюсь, что сохраню твое.

– Прошу тебя, дай мне возможность снова увидеть тебя с твоим странным приспособлением, которое дал тебе Салимбени.

– Сейчас.

Она спрыгивает с кровати, наливает воды в стакан, открывает свой чемодан, достает оттуда свой прибор и клей, растворяет его и прилаживает свою маску. Я вижу невероятное. Очаровательная девушка, которая остается таковой повсюду и которая, со своим необычным приспособлением, кажется мне еще более интересной, потому что эта белая подвеска не оказывает никакого препятствия хранилищу ее пола. Я сказал ей, что она хорошо сделала, что не позволила мне ее трогать, потому что она погрузила бы меня в упоение и привела меня к тому, чем я не являюсь, по крайней мере до тех пор, пока не успокоила бы меня, рассеяв заблуждение. Я захотел ее убедить, что я не ошибаюсь, и наши дебаты были комичны. Затем мы заснули и проснулись поздно.

Пораженный всем тем, что услышал из уст этой девушки, ее красотой, талантом, душевной искренностью, ее чувствами и ее несчастьями, из которых самым жестоким, конечно, была необходимость изображать фальшивый персонаж, что подвергало ее унижениям и бесчестию, я решил связать ее со своей судьбой или следовать ее судьбе, потому что наше положение было почти одинаковым.

Пустив свою мысль еще дальше, я увидел, что, решив связать свою жизнь с ней, предаться ей, я должен скрепить это решение брачной печатью. От этого, согласно моим тогдашним представлениям, должны были только возрасти наша нежность, наше взаимное уважение и уважение общества, которое не смогло бы считать нашу связь легитимной иначе, как в случае, если они будут подтверждены гражданскими законами.

Ее талант убеждал меня, что мы никогда не будем испытывать нужды, и я сам в этом не безнадежен, хотя и не знал, каким образом смогу в этом участвовать. Наша взаимная любовь будет затронута и сойдет на нет, если идея жить за ее счет сможет меня унижить, или если она будет этим гордиться, сможет взять надо мной верх и изменить природу своих чувств соображением, что, вместо того, чтобы считать меня своим благодетелем, она, наоборот, станет считать себя моей благодетельницей. Если у Терезы душа окажется способной на такую низость, она заслуживает моего глубокого презрения. Мне нужно было это знать, я должен был это проверить, необходимо было произвести испытание, которое раскрыло бы мне ее душу с наибольшей очевидностью. Захваченный этой мыслью, я начал такое рассуждение:

– Дорогая Тереза, все, что ты мне сказала, убеждает меня в том, что ты меня любишь, и уверенность, с которой ты ощущаешь себя властительницей моего сердца, окончательно влюбляет меня в тебя, до такой степени, что я чувствую себя готовым сделать все, чтобы убедить тебя в том, что ты не обманываешься. Необходимо, чтобы я показал тебе, что достоин твоей откровенности, выше которой я не знаю, с искренностью, равной твоей. Наши сердца должны биться вместе, в самом полном равенстве. Я теперь тебя знаю, но ты меня не знаешь. Ты говоришь, что это тебе все равно, и это твое пренебрежение – свидетельство самой глубокой любви;

но это ставит меня слишком ниже тебя в тот момент, когда ты чувствуешь себя обожаемой, ставя меня над собой. Ты ничего не хочешь знать, ты просишь только быть моей и ты стремишься только завладеть моим сердцем. Это замечательно, прекрасная Тереза, но это меня унижает. Ты доверила мне свои секреты, я должен тебе доверить свои. Обещай мне, что после того, как ты все узнаешь, ты мне скажешь искренне обо всем, что изменилось в твоей душе. Я не хотел бы узнать, что ты способна на хитрость. Будь уверена во мне, как я уверен в тебе. Скажи мне всю правду без увертки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.